

Г. Н. ЧУБИНАШВИЛИ

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНЫХ ФОРМАХ
ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА

Большое исследование профессора Страсбургского университета Ж. Ляссюса, посвященное вопросам «генезиса, формы и литургического использования христианских культовых зданий в Сирии с III в. и до мусульманского завоевания», под заглавием «Sanctuaires chrétiens de Syrie» (Paris, 1947), как трехтомное исследование директора «École des Hautes études» профессора А. Грабара о «культе реликвий (мощей) и о древнем христианском искусстве» под наименованием «Martyrium» (Paris, 1946), как, наконец, книга С. Гуйэра «об эволюции от античного храма к крестообразной базилике западноевропейского средневековья» под названием «Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst» (Zürich—Köln, 1950), с разных сторон, но в основном на одном и том же сравнительном материале, ставят и обосновывают кардинального значения положения о развитии начальных форм христианского храма. Если первые два исследователя в первую очередь заняты определением различия богослужебной практики в базиликах от таковой в мартыриумах и иных мемориальных центрально-купольных зданиях, то Гуйэр, не забывая функциональной стороны в христианских храмах, основную задачу своего исследования видит в выяснении архитектурной эволюции, а именно: «почему горизонтально и целостно воспринимаемые храмы и колоннады античности были внезапно сменены совершенно иначе образованными, сложными групповыми зданиями с главенствующими и подчиненными частями и с высоко вздымающимися башнями» (стр. 11); он трактует тот же вопрос слияния центрально-купольной крестообразной композиции с базиличной под особым аспектом.

Устанавливая принципиальные отличия церквей, в которых совершалось богослужение, от зданий мартыриев, возводимых ранее V в. только extra muros над местом погребения мучеников, в которых происходили в поминальный день ночные бдения, чтение священных книг, пение псалмов и проповедь с воспоминаниями о мученике, Ляссюс подчеркивает, что архитектурные формы мартыриев были взяты из дохристианской римской погребальной архитектуры.

Того же утверждения придерживается и Грабар, который еще более углубляет вопрос зависимости обоих типов. Он утверждает, что «христианская архитектура на римской почве была связана (так же, как одновременное изобразительное искусство ранних христиан) на долгое время теснейшим образом с римским монументальным искусством, которое ее окружало». Он считает, что «христианское культовое здание примыкает в развиваемых им формах к двум большим типам римской архитектуры. Создается, с одной стороны, церковь в собственном значении слова, т. е. здание, которое было предназначено для регулярного посе-

щения (прежде всего для празднования евхаристии), с другой стороны — здание для ритуала крещения или поминальных культов (мавзолей, мартирии, *memoriae*)¹. Если базилики и одностолпные церкви эволюционно связываются им с формами современной римской светской архитектуры, то для меморий и баптистериев, что касается их центрального плана (квадрат, круг, многогранник, крест) и их перекрытия (свод, каменный или деревянный купол), он находит связь с другой группой дохристианских памятников, которые следуют своей собственной традиции. «Эту группу христианских построек следует сводить к схожей по форме категории языческих зданий, функции которых стоят ближе всего к функциям христианских мавзолеев, баптистериев и мартириев; именно погребальные и мемориальные здания, мавзолеи, герооны и т. д., для которых применяли с незапамятных времен центральный план и особенное перекрытие — своды или купола; эта форма оставалась веками неизменной, так как ей приписывали символическое значение: памятное сооружение было по существу подражанием космосу, вселенной, пещере мира»².

Таковыми образцами христианских мемориальных сооружений IV в., которые непосредственно связываются и сопоставляются с круглыми античными мавзолеями Августа, Адриана, Цецилии Метеллы на *Via Appia* или с октогоном Диоклетиана в Спалато (последний, впрочем, уже с иными установками для интерьера), являются ротонда Гроба господня, октогоны при Вифлеемской базилике рождества и при церкви Вознесения в Иерусалиме; затем (по описаниям) ротонда церкви апостолов в Константинополе с 12 кенотафами апостолов, на рассмотрении которых подробнее останавливаются Ляссюс и Трабар. Впрочем, оба отмечают, что «число античных мартириев, которые бы сохранили форму перекрытия или хотя бы достаточные элементы для реконструкции в общих чертах их сводов», очень мало³. К только что названным мемориальным постройкам Константина привлекаются затем другие, большей частью посвященные тем или иным святым центрально-купольные сооружения, как, например, церковь Георгия в Езра — впрочем, все уже VI в. (за редким исключением октогонов V в. над погребением богородицы и на горе Гаризим⁴).

Теоретическое утверждение, что для мемориальных сооружений на всей территории Римской империи христиане отталкивались от архитектурных образцов таких же мемориальных языческих построек, получает известное ограничение в высказываниях и примерах, приводимых самими авторами.

Прежде всего нельзя не отметить, что среди наиболее известных мемориальных сооружений встречаются небольшие одностолпные здания с погребенными в них святыми. Таковы изначальные, прямоугольные в плане капеллы, как вскрытая раскопками под алтарем древней базилики и нынешнего храма капелла св. Петра в Ватикане⁵, капеллы св. Мартина в Туре, св. Кассия и иже с ним в Бонне (возведенная между 260 и 330 гг., размером около 14×8 м), св. Виктора в Ксантэне (конец IV в.)⁶, или открытые на все четыре стороны квадраты с четырьмя угловыми устоями, сохранившиеся только по плану, как в Кауссия близ Антиохии (вторая половина IV в.), или мартирий апостола Иоанна в Эфесе, или известный

¹ Из резюме его доклада 5.IV 1951 г. в «Kunstchronik», 1951, 5, p. 98, 99 под названием «La basilique chrétienne et les thèmes de l'architecture sacrale dans l'antiquité».

² Ibid., p. 100.

³ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 203.

⁴ I. Lassus. *Op. cit.*, pl. 46, 47.

⁵ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 294.

⁶ Ibid., p. 50—54.

по рисунку Аркульфа VII в. мавзолея над источником Иакова в Сихэме⁷. При этом А. Грабар полагает, что квадрат в Антиохии, как и в Эфесе, имел четыре арки, а покрытие — в виде деревянной пирамиды. Эти сооружения названные авторы рассматривают под наименованием «примитивных мавзолеев». Однако они, естественно, ничего не говорят о связи их архитектурных форм с мавзолеем Цецилии Метеллы или Диоклетиана, так как таковой обнаружить нельзя, впрочем, как нельзя связать их формы и с квадратными в плане башеннообразными (двухэтажными) гробницами (как, например, так называемая гробница Авессалома под Иерусалимом, многочисленные гробницы в Киликии, Сирии, а также в Западной Европе)⁸.

Кроме того, Грабар рассматривает еще и римские базилики с трансептом, считая последний за обособленный мавзолей, как, например, трансепт в базилике Петра⁹.

С другой стороны, оба исследователя подчеркивают, что большой октогональный двухъярусный храм, построенный Константином Великим в Антиохии на острове и бесследно смытый, не являлся мавзолеем, а был приходской или кафедральной церковью¹⁰, т. е. здесь разрыв с теорией — в двух направлениях: двухъярусный октогон с внутренними опорами не является мавзолеем, мемориальным сооружением, с одной стороны, а с другой — церковь для ежедневного богослужения не является базиликой.

Эти положения о раздельных по функциям архитектурных формах хронологически распространяются на период «гонений» и первые десятилетия после «торжества» церкви. Раздельное существование этих двух разных по функциям архитектурных типов уже вскоре стало уступать место слиянию их, чему содействовал отказ от господствовавшего на всей территории Римской империи установления хоронить вне городских стен. Как только мощи мучеников после «торжества церкви» стали полагать *intra muros* в церквях города, церкви стали посвящать именам мучеников, службы обоих родов стали совершать в одном и том же здании, происходит слияние архитектурных форм церквей в типе трехнефных базилик с формами центрально-купольных мемориальных сооружений. Устанавливается, что перенос тела мучеников в город начался на Востоке ранее, чем на Западе: первые случаи зарегистрированы в Константинополе в 356—357 г. (перенос тела трех апостолов)¹¹, а в Милане — к 386 г.¹² Грабар полагает, что со времен «гонения» «почитание реликвий (мощей) тесно слилось с совершением ебдни, а в IV в. мощи помещаются в приходских церквях». Он считает, что этот порядок — совершать евхаристию «на крови мучеников» — сделал обязательным наличие частицы мощей святого в самом престоле или под ним¹³; такое деление мощей постепенно установилось как обязательное. «Церкви быстро усваивают центральный план и купол в ту эпоху, когда писания Псевдо-Дионисия Ареопагита, затем произведения Максима Исповедника (VI—VII вв.) представляют церковное сооружение как мистический храм, как символ вселенной»¹⁴.

⁷ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 77—78, 66 и табл. XXV, 3, рис. 26, 133, 80 и 79 (Эфес); S. Guyer. *Op. cit.*, S. 75.

⁸ S. Guyer. *Op. cit.*, Tab. I и II.

⁹ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 292 (Heptapegon), 293 (св. Петр в Ватикане).

¹⁰ *Ibid.*, p. 214—215, 217, 222, 227; I. Lassus. *Op. cit.*, p. 109.

¹¹ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 318.

¹² А. М. Шнейдер в докладе: «*Kunstchronik*», 1951, S. 110; A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 316 (S. Lorenzo in Damaso, Рим); не говорим уже о храме апостолов, построенном Константином Великим (законченном и освященном его сыном Констанцием), где были размещены 12 кенотафий апостолов (I. Lassus. *Op. cit.*, p. 109; A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 228).

¹³ A. Grabar. *Martyrium*, I, p. 37—39.

¹⁴ *Ibid.*, p. 377.

Таким образом, А. Грабар признает решающее, доминирующее значение центрального плана, сводчатых перекрытий и венчающей купольной части, которые приобретает христианская архитектура во всех провинциях Востока с эпохи Юстиниана. Он настаивает на том, что «типы мартриев, которыми вдохновлялись строители церквей, в разных странах не одни и те же. Вероятно, всюду руководствовались мартириями, завещанными прошлым каждой из провинций, и некоторые из них особенно привлекли внимание местных архитекторов». Автор заключает, что каждая страна избрала ограниченное число типов культовых зданий, характеризующих впрямь районные школы восточнохристианского искусства¹⁵.

Точно так же и Ляссюс резюмирует процесс развития христианского храма словами: «тем более достопримечательно, что христианская базилика была отодвинута на второй план, чтобы не сказать покинута, духовенством и архитекторами византийской империи с конца V в., и особенно при Юстиниане. Церковь на Востоке тяготеет к организации уже не по продольной оси базилики, а вокруг центрального купола». Правда, еще в X в. в Антиохии, т. е. в Северной Сирии, строят базилики, которые, однако, имеют «удивительно архаизирующий» вид, даже несмотря на применение в них сводов¹⁶.

Ляссюс специально подчеркивает особенности храмов, отличия как конструктивного порядка, так и композиционных форм, даже в отдельных частях Сирии — Северной и Южной, не говоря уже о Месопотамии, Малой Азии, Армении. Дальнейшее во времени расхождение в формах подчеркивает, как сказано, и Грабар.

И действительно, Грузия представляет особый район в архитектурном отношении не только по сравнению с Малой Азией, Сирией Северной или Южной, Месопотамией, но даже и с соседней Арменией.

Древнейшие храмы в Грузии не дают фактического материала для различения по архитектурным формам мемориальных построек, мартриев и приходских церквей с регулярным богослужением, литургией. В этом отношении материал Грузии отрицает положение, выдвинутое на основании примеров из Западной Европы, Сирии, Каппадокии, о применении для мемориальных церквей разработанных римско-эллинистической архитектурой для усыпальниц типов центрального, башенного характера, с круглым, полигональным, с крестообразным планом, а для церквей, в которых совершалось богослужение общины верующих, — трехнефных базилик и зальных церквей.

Нужно отметить, что на территории Грузии не зарегистрировано зданий ни в характере светских или домовых римских дохристианских базилик, ни типа героонов, погребальных круглых или октогональных зданий с внутренними, небольшими большей частью усыпальницами разных, вплоть до крестообразной формы, планов, как усыпальницы Адриана, Диоклетиана или Цецилии Метеллы. По-видимому, аналогичное положение существовало и в Армении. Примыкание к античным формам наблюдается в погребальном мавзолее, открытом в Мцхете, в остатках здания в вышгороде Нокалакеви, в зале с кессонным «сводом» в Уплис-цихе, в различных небольших фрагментах, как и в Армении — римский храм в Гарни, сооружения кардинально отличных не только от рядовых народных зданий, но и от привлекаемых Грабаром мемориев.

В Грузии базилики явились — нужно полагать — в результате требования духовенства к архитекторам следовать имевшимся образцам из «Святой земли». Формы базилик IV в., таких, как малая в Некресском монастыре или в Дзвели Шуамта и др.¹⁷, ясно говорят о том, что они

¹⁵ Ibid., p. 385—386.

¹⁶ I. Lassus. Op. cit., p. 100 (159—160).

¹⁷ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, ел. II.

не вызваны определенными требованиями разработанного культа, а являются ответом на какие-то сообщенные архитектору данные (как мне представляется, самого общего характера) о такого типа зданиях. Эти базилики кажутся даже не воспроизведением модели, данной архитектору духовенством (как это считает Ляссюс относительно базилических построек Северной Сирии, отмечая, что они не соответствуют литургически обоснованной программе, так как отличаются значительным числом особенностей, которые не имеют литургических следствий¹⁸). Базилическая форма храма была, другими словами, в Грузии (как и в Сирии) искусственно пересаженной архитектурной формой, навязанной, можно сказать, насильственно привитой, требованиями духовенства, старавшегося канонизировать такое решение, как будто к тому же имевшее — или постепенно приобретающее — функционально обусловленное назначение и обоснование. Последнее следует из дальнейших (конца V—VI в.) форм базилики и даже из созданной именно в Грузии разновидности, условно названной мною трехцерковной базиликой VI—VII вв.¹⁹

Строительные же приемы в грузинских, равно как и в армянских и малоазийских, базиликах кардинально отличны от базилик Северной Сирии и всего Запада — первые всегда и исключительно перекрыты сводами, все устои сложены из камня (никогда не применяются колонны) и соединены арками.

Вполне вероятно, что в формах ранних храмов известное значение сыграли неотработанность литургии в первые века «торжества церкви», на что особое внимание обращает Ляссюс, указывая на различия в организации алтаря, встречающиеся в церквях Южной Сирии IV—VI вв., не имеющих пастофорий, которые находятся в базиликах Северной Сирии, обладающей в силу этого большим единообразием организации алтаря²⁰. Это положение об отсутствии четко фиксированной литургии в первые века после «торжества церкви» у Ляссюса логически связывается с рассмотрением данных об *église-maison*, т. е. о приспособленных в первые века н. э. для религиозных сборищ домах с их большим различием по разным городам и даже в одном только Риме²¹. Поэтому и литургия не могла быть единообразной, не имела еще форм «неукоснительно фиксированных»²². Формы ранних храмов Грузии тоже говорят о каких-то отличиях от установившегося, как отмечает Ляссюс, с VI в. общего для православного Востока («византийского») порядка церковной службы.

Но статья канонической формой церкви, несмотря на настояния духовенства, базилика в Грузии не смогла, как это имело место в Сирии, особенно — в Северной. Самостоятельность всего предшествовавшего развития грузинской архитектуры, а также отсутствие в стране римских круглых и т. п. погребальных сооружений обеспечили независимость от этих чуждых форм дальнейшему развитию своих народных установок в подходе к создаваемому внутреннему пространству. Согласно упоминанию Руфина, просветительница Грузии («пленница», т. е. св. Нина) предложила построить церковь, формы которой она описала: тогдашняя программа ограничивалась ведь только требованием алтаря, ориентированного на восход солнца, и относительно большого помещения для верующих; никаких архитектурно определенных форм она в себе не заключала. Древнейшие уцелевшие церкви, как, например, маленькая Самтавская в Мцхете, Зеганская (св. Марине), Черемский квадрат, даже малая церковь Мцхетского Джвари (второй половины VI в.), составляют набор разных решений центрально-купольного направления. И это нужно

¹⁸ I. Lassus. Op. cit., p. 99, ср. p. 158.

¹⁹ Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., гл. III.

²⁰ I. Lassus. Op. cit., p. 62, 65, 79.

²¹ Ibid., p. 4, 21, 184—216.

²² Ibid., p. 22.

признать закономерным явлением и решающим развитием привычных подходов и форм жилой древнейшей, т. е. на много веков предшествовавшей распространению в стране христианства, ячейки, дожившей до самого недавнего прошлого и зафиксированного в XX в. научно и художественно в типе крестьянского дома с усвоенным для его центрального квадратного пространства наименованием «дарбази». Это пространство, выделенное двумя, тремя, а то и четырьмя деревянными столбами с подбалками, поверх которых постепенно подымалось куполообразное сужение к центру перекрытия венцом («гвиргвини»), с центральным отверстием для света и дыма²³. Древность этой архитектурной формы подтверждается и описанием у Витрувия колхидского дома²⁴.

Как в этих крестьянских «дарбази» последнего времени устанавливается многообразие конкретного решения и в отношении плана, и в отношении перекрытия (гвиргвини), так и в выросшей на этой народной основе монументальной каменной архитектуре купольных храмов уцелело значительное число очень различных по конкретному решению центрального плана зданий древнего времени.

Настоящим утверждением иной основы происхождения центрально-купольных композиций ранних, начальных христианских храмов Грузии я не отрицаю известного, возможно, вначале различия мемориальных сооружений и церквей по их функциональному использованию. Но это различие не отвечает различию архитектурных форм. Так, св. Нина устанавливает на открытом воздухе три креста — в Мцхете, на левом берегу Арагви на горе, на горе Тхоти западнее Мцхеты и в Уджарме (восточнее). Все три позднее обстраиваются: первый получает рядом известную нам сегодня малую церковь Джвари Мцхетского, с крестовым планом и центральным крестовым сводом при наружном прямоугольнике под двускатной кровлей, а примерно через полстолетия возводится большая купольная церковь над взятым как центр для нее самим крестом — в конце VI в.²⁵; церковь, именуемая Ниноцминда, недавно была выявлена и изучена на горе Тхоти, — она представляет собой по плану крестовую церковь²⁶; третий крест в Уджарме явился источником большого поклонения («Джвари патиосани») с возведением сперва небольшой зальной церкви, постепенно обраставшей дополнительными помещениями и ныне состоящей из двух отдельных этажей с 2—3 комнатами в каждом, вокруг первоначальной церкви внизу в центре²⁷. Другая национальная святыня — чудесно установленный центральный деревянный столб Свети Цховели в Мцхете — не сохранился; древнейшие уцелевшие фрагменты резьбы об архитектурной форме ничего не говорят; можно только, учитывая наличие в кафедрале специальной капеллы, полагать, что этот столб («свети») животворящий («цховели») был центром особого культового поклонения.

Наиболее ранние национальные святые — св. Нина и мученица Шупаника. Первая была погребена в Бодбе, а выстроенная над погребением церковка (небольшая зальная постройка с полукруглой снаружи

²³ «Грузинские дарбази» по обмеру и рисункам Н. П. Северова и И. А. Шарлеманя под редакцией Г. Н. Чубинашвили, вып. I—IV. Тбилиси, 1926—1927; Г. С. Чутая. Крестьянское жилище в Кваблианском районе (дарбазовидный тип). — В кн.: «Мимомхилвели» («Обозреватель»), т. I. Тбилиси, 1926, стр. 137—156 (на груз. яз.); Л. В. Сумбадзе. Дарбази Ксанского ущелья. — В кн.: «Архитектура республик Закавказья». Сборник статей. М., 1951, стр. 250—285; Л. З. Сумбадзе. Грузинские дарбази Тбилиси, 1960. Ср. также материал из Армении: С. Д. Лисициан. К изучению армянских жилищ (Карабахский карадам). — «Известия КИАИ», т. III, 1925, стр. 97—108; С. Д. Лисициан. Крестьянские жилища Высокой Армении. — «Известия КИАИ», т. IV, 1926, стр. 55—70.

²⁴ Л. З. Сумбадзе. Колхидское жилище по Витрувию. Тбилиси, 1960.

²⁵ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948.

²⁶ Р. Шмерлина, Т. В. Барнавели. Храм Ниноцминда на горе Тхоти. — «Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР», № 6, стр. 155—167.

²⁷ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 199, 477, прим., 489, прим.

абсидой) века через два-три была включена как составная часть в трехнефную базилику²⁸. Тело Шушаники перенесено в VI в. и находится в южном приделе Метехской церкви в Тбилиси, выделяясь ракой. По плану можно полагать, что, как и св. Нина, Шушаника первоначально была погребена в такой же малой капелле.

Если подвести итог анализу ранних местных святынь в отношении примененных архитектурных форм, мы увидим их большое разнообразие. Рядом с раскрытыми арками на все четыре стороны квадратом с купольным сводом без барабана в Череме²⁹, являющим параллель к древнейшим Антиохийскому и Эфесскому квадратам и к иранским храмам мотья³⁰, стоят небольшие однефные едва удлиненные камеры, как погребения апостола Петра, св. Кассия и др., с полукругом выступающей абсидой в Бодбе и в Метехи над погребениями св. Нины и мученицы Шушаники, а также с прямоугольным восточным концом, но конхой над ним в Зедазени³¹. Далее можно выделить миниатюрные церковки по плану *croix libre* (по терминологии Г. Милле), т. е. простого креста с возвышающимся слегка в центре куполом в Зегани и в Самтавро во Мцхете³² и оригинально использующие и оформляющие эту же плановую композицию — малая церковь в монастыре Икалто и малая церковь Джвари Мцхетского³³, своеобразно развивающие как в интерьере, так и в экстерьере тетраконхи, как позднее переделанный храм в Манглиси³⁴, храм в Кисисхеви и две однотипные церкви — посвященная Свети Цховели (можно полагать, Мцхетскому) в сел. Вачнадзиани и церковь 40 мучеников Давитиани³⁵, а кроме того — базилические постройки, как древнейшие в Некреси, Дзвели Шуамта, так и падающие уже на VI в.³⁶

Решающим является здесь, следовательно, не функциональная сторона, а, как сказал бы Ляссюс, «эстетическая», т. е. художественное развитие форм зданий безотносительно к церковной службе. И действительно, на уцелевших памятниках грузинской архитектуры с VI в. прослеживается развитие законченно-отработанных произведений купольной архитектуры разных композиционных решений. Это иногда строго центральный план с куполом в центре (Дзвели Гавази, кафедрал в Нинопцинда, Бана)³⁷, или же со слегка удлиненной в направлении «восток—запад» осью при сохранении купола в центре (Мцхетский Джвари, Цроми)³⁸, или, наконец, со значительным удлинением западной и соответственно восточной от купола частью церковного здания. Крестообразный план в очень различных вариациях продолжает свое развитие и в зрелое, и даже в позднее средневековье. Считаю нужным подчеркнуть, что для всей ку-

²⁸ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 83—86.

²⁹ Там же, стр. 207—208.

³⁰ Об иранских храмах огня ср. E. Herzfeld. Reisebericht. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 5, N. 3, 1926, S. 255—256 (269, 271), 275—276; *idem*. Iran in the ancient East. Oxford, 1941, p. 301 sqq.

³¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 97—109.

³² Там же, стр. 261—264; Г. Н. Чубинашвили. Древнейшее здание церкви во Мцхета. — В кн.: «Юбилейный сборник, посвященный акад. АН Груз. ССР проф. К. С. Кекелидзе к 80-летию со дня рождения». Тбилиси, 1959, стр. 371—377.

³³ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 258—261; *его же*. Памятники типа Джвари, Введение.

³⁴ Г. Н. Чубинашвили. Заметки о Манглиском храме. — «Bulletin du Muséum de Géorgie», т. 1, 1922, стр. 33—62; М. Двали. Манглиский храм. Художественно-исторический анализ. — «Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР», 1961, № 1, стр. 255—287, 11 табл. (на груз. яз. с русск. резюме).

³⁵ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 255—258, 265—266.

³⁶ Там же, гл. II.

³⁷ Там же, стр. 216 сл., 232 сл.; «Материалы по археологии Кавказа», вып. 12. М., 1909, стр. 83—117; по вопросу датировки см.: Г. Н. Чубинашвили. История грузинского искусства, I. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).

³⁸ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари; G. Tschubinaschwili und J. Smirnov. Die Kirche in Zromi und ihr Mosaik. Tbilissi, 1934 («Georgische Baukunst», 2. Bd.).

польной архитектуры удлинение оси в направлении «восток—запад» вовсе не означает соединения базилики с купольной башней, а есть органическое развитие крестово-купольной архитектуры. Поэтому термин «купольная базилика» я считаю неверным, вводящим в заблуждение³⁹, вызванным непременным стремлением видеть отражение античного искусства в средневековом; может быть, явственнее всего порочность этого термина выявляется в предложенном О. Вульфом понятии «полубазиликальный тип», к которому он относит и св. Софию в Солуне, и Каср-ибн-Вардан в Сибири, и Календер-Джами, Хакхриэ-Джами, Ходжа-Мустафа-Паша-Джами в Константинополе и другие, где от базиличной структуры осталась только удлиненность всей композиции⁴⁰. Между тем необходимо подчеркнуть, что доминирующим во всей христианской архитектуре и Грузии, и Армении, и Малой Азии является композиционное построение с выделением помимо барабана с куполом в центре крестообразной формы свободного (вспомним мавзолей Галлы Плацидии в Равенне) или вписанного в прямоугольник креста по наружному облику масс и по созданному внутреннему пространству⁴¹.

Итак, в грузинской — и, насколько я вижу, в армянской — архитектуре основным, самостоятельным, национальным творчеством являются купольные композиции храмов, тогда как базиличная тема является не органическим развитием своих установок, а пересаженным извне и навязанным духовенством.

Исходным моментом в этом создании купольных форм христианского храма в Грузии и Армении можно считать коренную форму жилой ячейки, именуемую в Грузии «дарбази», с ее куполообразным перекрытием квадратного пространства; к нему не имеют никакого отношения античные ротонды или октогоны, не бытовавшие у нас, от которых отталкивались христианские мартирии и мемории в Италии или Сирии.

³⁹ Также и применение Гуйэром термина «Basilikale Kreuzkirchen» или «Kreuzbasiliken» (*S. Guyer. Op. cit., S. 12*).

⁴⁰ *O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst. Berlin—Neubabelsberg, 1918.*

⁴¹ Совершенно ошибочно все три автора трактуют памятники Кауссия при Антиохии, Симеона Старшего Калат-Симан, св. Иоанна Эфесского и рисунок церкви над родником Якова в Сихеме как *croix libre*, тогда как это — явно дополнительное строительство при более древнем взятом в центр квадрате (гсп. октогоне).